

НОВАЯ
ПРОЗА

Лев Наумов

ГИПОТЕЗА ДЕДАЛА

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н34

Наумов, Лев

Н34 Гипотеза Дедала / Л. Наумов. — М. : РИПОЛ классик. — 292 с. — (Новая проза).

ISBN 978-1-519-64207-1

Представления людей об окружающем мире от века строятся на догадках и гипотезах. Некоторые из них амбициозны, другие, напротив, поверхностны и неказисты. Разумеется, далеко не все оказываются истинными. Одни предположения отбрасываются и забываются без сожалений, иные, даже опровергнутые, невозможно вычеркнуть из памяти, поскольку они поражают красотой и изощрённой игрой ума. Впрочем, для конкретного человека всё сказанное редко имеет значение. Ему важнее другое: кто был счастливее? Тот, кто шагал по плоской Земле, лежащей на трёх китах, или же тот, кто до сих пор бродит по круглой планете, повторяющей свой путь в холодном космосе? Кого сопровождал бог, а кто совершает свой путь в одиночестве?

Книга прозы петербургского писателя Льва Наумова включает двадцать три рассказа: философские притчи перемежаются интеллектуальными новеллами, а метафизические сюжеты соседствуют с историческими фантазиями. Мир автора сложен, ярк и динамичен, в нём нет почти ничего постоянного: честность сменяется предательством, вражда — дружбой, ненависть — любовью, уверенность — беспрестанными сомнениями. Единственное, что здесь можно смело принимать на веру, — это предположение, известное как гипотеза Дедала.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Наумов Л.А., 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа
Компаний «РИПОЛ
классик», 2018

ISBN 978-5-519-64207-1

Беседа 1

Честно говоря, долгие годы я не мог взять в толк, отчего он запомнился мне так хорошо и отчетливо, ведь, казалось бы, мы не провели вместе и четверти часа. Да что там, и десяти минут не провели! Почему же тогда?.. Скажите, вот у вас задерживаются в памяти образы случайно повстречавшихся пьяниц? В последнее время их развелось так много, что удивляться подобному малоприятному столкновению не приходится. Более того, ведут себя такие субъекты совершенно предсказуемо и однообразно. Однако встреча с этим человеком бережно хранится в моем сознании вплоть до мельчайших подробностей. Возможно, причина состоит в том, что с самого начала и до сих пор я не уверен, пьян он был или нет.

Мы столкнулись в фойе лондонского отеля «Montague on the Gardens» в Блумсбери, где я остановился, будучи в командировке. Мое временное пристанище, расположенное в двух шагах от Британского музея, дарило мне ничуть не меньше радости, чем его сосед, для работы в котором я и приехал. Чего стоит одно только здание георгианской эпохи, которое занимала гостиница! Так что дни напролет я трудился в British Museum, штудировав экспозицию, изучая архивы и делая выписки

для своего исследования, а вечерами возвращался в блистательное убежище некогда герцогского поместья. Еще десять лет назад мне не хватило бы смелости даже мечтать о такой жизни, но должность и статус признанного профессора истории искусств сделали ее для меня нормой. Впрочем, до сих пор я не перестаю восхищаться этим, и каждое утро просыпаюсь преисполненным восторга и счастья.

Столкновение с этим человеком в фойе нанесло серьезный урон идиллии моего пребывания в Лондоне. Заметил я его не сразу. Прилично одетый мужчина средних лет вышел из лифта с явным намерением немедленно покинуть отель. Решающим для нашей встречи стало то обстоятельство, что мне выпало оказаться на траектории его движения, которую он совершенно не собирался менять. Незнакомец попал в поле моего зрения слишком поздно, когда уже находился буквально на расстоянии вытянутой руки. Мгновение, и он сбил меня с ног. От падения я спасся исключительно потому, что успел схватиться за стойку лобби-бара. Но этот хамоватый фат не отклонился ни на дюйм. Более того, ему хватило наглости молча выйти из гостиницы на Монтегю-стрит, даже не извинившись.

Недоуменное возмущение переполняло меня. Большинство находившихся возле стойки регистрации людей не обратили внимания на произошедшее или же, по обыкновению чопорных англичан, правдоподобно делали вид, будто ничего не заметили. Сей факт приумножал мое негодование. Лишь несколько человек с сочувственной улыбкой посмотрели на меня и развели руками. По всей видимости, это были приезжие.

Будучи человеком по природе своей тихим, я натужно улыбнулся в ответ, но буквально закипал внутри. Оттого, наверное, отряхиваясь и поправляя воротник, даже не заметил, как оторвал несколько пуговиц на пиджаке и рубашке. Покаявшись самому себе, что при встрече непременно призову грубияна к ответу, прямым ходом я направился в ресторан, дабы растворить возмущение и недоумение в стакане виски, притом что обычно пил шерри.

Подспудно, разумеется, я был уверен, что никогда более своего обидчика не встречу, поскольку в противном случае данное обещание сулило еще одну неприятность, отвлекающую от моих вдохновенных художественных штудий. Но стоило мне только войти в ресторан, как сразу пришлось упереться взглядом в налетевшего на меня хама.

Это может показаться странным — по крайней мере, сам я удивился, — но первой моей эмоцией была самодовольная радость. Вот глупец! Ведь дверь ресторана находилась непосредственно возле лифта, тогда как пьяница вышел на улицу, обогнул здание отеля и воспользовался другим входом. Дуралей! Но, вспомнив о клятве, я загрузтил.

Человек стоял у зеркала и что-то бубнил себе под нос. В отличие от инцидента в фойе, здесь он привлек уже достаточно внимания, а потому, прежде чем перейти к сатисфакции, я решил понаблюдать за ним, втайне надеясь, что у негодника возникнет конфликт с кем-то другим. Тогда мои действия не покажутся ужинающей публике столь неожиданно вызывающими.

Прошло несколько минут. Он так и паясничал возле зеркала. Некоторые дамы смеялись над ним уже почти в голос, а господа показывали пальцами. К несчастью, я расположился слишком далеко, и потому до меня доносился скорее шепот трапезничающих, чем негромкие слова этого странного человека. Но возле моего обидчика пустовал столик, потому, набравшись смелости, я пересел поближе.

Теперь, с новой наблюдательной точки, мне было прекрасно слышно все, что он говорил. Более того, наконец удалось хорошо его разглядеть. Сам пьяница не обращал на меня никакого внимания, хотя, признаться, первые донесшиеся до меня слова я принял на свой счет.

— Ты что, наблюдаешь за мной? — сказал человек, глядя в зеркало.

Видит бог, я чуть было не ответил и удержался лишь потому, что меня завораживали поразительно благородные черты его неглупого лица. Нет, если он и был сейчас пьян, то, определенно, для него это скорее исключение, чем правило.

— А зачем? — продолжал он, не дождавшись ответа.

Я вновь собрался что-то сказать, но внезапно справа зазвучал другой голос:

— К кому вы обращаетесь, сэр? Вы изволите говорить с самим собой?

Интонация была надменной и удивительно неуместной. Рядом стоял констебль, за спиной которого нелепо улыбался администратор отеля.

Человек медленно повернулся к полицейскому, ответствуя невозмутимо и серьезно:

— Но как же можно об этом не спрашивать?

— Каждый англичанин, — начал констебль размеренно и с улыбкой, — имеет право задаваться любыми вопросами. Но только, — он сдвинул брови и стал угрожающе серьезным, — до тех пор, пока на него не начинают жаловаться в полицию!

— Даже ты?

В английском языке только одно личное местоимение второго лица единственного числа, скрадывающее все мыслимые эмоциональные оттенки обращения к другому человеку. Но, черт возьми, я был там!.. Я слышал эти слова!.. Ничто в подобной ситуации не прозвучало бы более уничижительно, чем то сосредоточенное спокойствие, с которым говорил странный человек. Он будто бы продолжал беседу с собой, тогда как глаза его смотрели на констебля. Потому, если когда-нибудь этот разговор будет переведен на другие языки, то, несомненно, следует использовать местоимение, которое подчеркнет то пронзающее безразличие, каким наполнил свои слова пошатывающийся субъект.

— Так, сэр. Я вынужден...

Безучастно смотреть на происходящее более было невыносимо. Кроме того, моя отвага, проявлявшаяся преимущественно в присутствии блюстителей порядка, подсказывала: если сейчас его арестуют, то о сатисфакции можно будет забыть.

— Простите! — прервал я полисмена. — Мой друг не в себе. Позвольте мне...

— Так это ваш друг, сэр? — поинтересовался констебль вновь весьма учтиво.

Человек резко повернулся ко мне, и тогда я увидел эти глаза... С одной стороны, в них не было ни-

чего особенного, но с другой... Его взгляд был направлен в мою сторону, но смотрел он не на меня. Точнее, не так... Казалось, что в поле его зрения попадаю не только я, но и полисмен, а также администратор, ехидная улыбка последнего, ресторан, носившиеся по нему шепоты, запахи из лобби-бара, весь первый этаж отеля, весь отель, Блумсбери, Лондон, Великобритания, Европа, наша планета... Он смотрел, как никто другой. Я был потрясен настолько, что даже не отреагировал, когда едва не сбивший меня с ног впервые обратился именно ко мне:

— А если со мной что-нибудь случится, ты сможешь вмешаться?

— Сэр, так этот человек приходится вам... другом? — повторил констебль несколько витиевато.

— Ты вмешиваешься? Я могу быть спокоен? — Мой недавний обидчик не унимался. На этот раз в его голосе появилась нотка отчаянной надежды.

— Ну, не то чтобы другом... — смущенно ответил я полисмену, в то время как неотрывно смотрел на дебошира.

— Но почему? — спросил последний обескураженно.

— Сэр, вы знаете этого человека? — На этот раз констебль опять сдвинул брови.

— Мы столкнулись сегодня... — промямлил я. — Он там был... Там было много людей...

— Ты что, наблюдаешь не только за мной? — спросил мой собеседник несколько растерянно.

— Ни за кем я не наблюдаю!.. — Впервые с моих уст сорвались слова, адресованные именно ему. Я попытался произнести их как можно более раздраженно, но возмущение мое было прит-

ворным, нелепой попыткой замаскировать то, насколько мне неловко находиться в этой ситуации.

— Чем же ты тогда занят? Ты делаешь что-то еще? — Его растерянное недоумение все заметно усиливалось.

Я замаялся, не зная, что ответить. Этим, вероятно, дал полицейскому понять, что, в сущности, мы не были знакомы.

— Так, мне все ясно, — резюмировал констебль. — Сэр, я вынужден просить вас пройти со мной в кабинет администратора. — Он завел правую руку за спину дебошира, а левой указал в направлении двери и тем самым, не касаясь задержанного, увлек его к выходу из ресторана.

Уходя, полисмен смотрел себе под ноги, тогда как мой собеседник неотрывно глядел на меня. Точнее, в моем направлении. Кроме того, с меня не сводил глаз администратор с ехидным выражением лица. Его неприятная ухмылка внушала мне чувство вины.

Тут произошел нелепейший конфуз. Внезапно я почувствовал невесть откуда возникший зуд в носу. Станный человек начал говорить мне что-то еще, но в этот самый момент я громко на весь зал чихнул. Сквозняк ли, аллергия были тому виной, сказать трудно, но мой громогласный чих, а также последовавший за ним раскатистый смех в зале заглушили слова дебошира. Нарушителя спокойствия вывели из ресторана, а я так и не услышал последнюю реплику.

Прошло несколько минут, прежде чем во мне не проснулось непреодолимое желание, даже потребность догнать его, чтобы продолжить наш

разговор. Точнее, попросту начать его, поскольку до этого я успел сказать лишь одну фразу, за которую мне теперь было стыдно. Определенно, следовало еще и извиниться...

Опомнившись, я поспешил в кабинет администратора, но не застал там никого. Не медля более ни секунды, я вышел на Монтегю-стрит, побежал по Бари-плейс, Блумсбери-уэй, Мьюзиум-стрит в направлении Ковент-Гардена. Мое преследование закончилось в саду на набережной Виктории. Преодолев около двух миль, я не встретил ни констебля, ни пьяницу. Впрочем, положив руку на сердце, с годами во мне не осталось сомнений, что он был совершенно трезв.

Прошло не меньше пятнадцати лет. Я женился на своей выпускнице, завел детей, обрюзг, мы с семьей дважды переезжали: сначала — в Голландию, потом — в Италию. В моей жизни произошло слишком много такого, что никак нельзя было предвидеть тогда, в Лондоне. Но о странной встрече я не забывал, хоть с каждым годом думал о ней все реже. Так или иначе, память надежно хранила подробности того столкновения, а потому, если бы кто-нибудь попросил бы меня изложить случившееся, я сделал бы это с чрезвычайной охотой и точностью. Более того, был бы очень благодарен за такую просьбу. Однако рассчитывать, что кто-нибудь внезапно обратится ко мне с ней, не приходилось, ведь о том позорном инциденте в фойе я не рассказывал даже родным и ближайшим друзьям.

По воле случая мы с супругой — наши мальчики остались дома — оказались в Японии, в глуши